

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3 (18)

2024

Ю. Т. Лисица

Главные и важные результаты Ивана Александровича Ильина в науке о праве и в философии

УДК 1(470)(091)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_60
EDN BEMQMB

Аннотация: Публикация представляет собой текст выступления в Санкт-Петербургской духовной академии на онлайн-круглом столе, посвященном 140-летию со дня рождения крупнейшего русского ученого-правоведа, религиозного мыслителя, провозвестника грядущей России Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Наследие И. А. Ильина огромно, — оно насчитывает приблизительно 45–50 томов его собрания сочинений, 33 из которых уже вышли в свет. В 2006 г. архив И. А. Ильина был возвращен из архива научной библиотеки Мичиганского государственного университета (Ист Лэнсинг, Мичиган, США) в Московский государственный университет, где уже оцифрован и стал доступен исследователям и читателям. Изложить все богатство наследия Ильина в краткой статье невозможно, поэтому автор выбрал самые главные и значимые его достижения в юридической науке и в философии: исследования о природе и сущности права; оригинальное, отличное от западной философии, учение о правосознании; учения о международном праве, о войне, о сопротивлении злу силою; моральная и нравственная философия; пневматология как учение о духе и его проявлении. Приводятся отрывки из обширного эпистолярного наследия Ильина, — из готовящейся к изданию четырехтомной «Переписки И. А. Ильина и Н. К. Метнера (1915–1951 гг.)».

Ключевые слова: И. А. Ильин, Н. К. Метнер, право, правосознание, международное право, методологический подход, государство, государственная власть, философия, смысл, мораль, нравственность, духовный смысл войны, пневматология, сердечное созерцание.

Об авторе: **Юрий Трофимович Лисица**

Доктор физико-математических наук, профессор кафедры миссиологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института наследия.
E-mail: jutlisica@yandex.ru

Для цитирования: Лисица Ю. Т. Главные и важные результаты Ивана Александровича Ильина в науке о праве и в философии // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 60–73.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3 (18)

2024

Yuriy T. Lisitsa

The Main and Important Results of Ivan Aleksandrovich Ilyin in the Science of Law and Philosophy

UDC 1(470)(091)

DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_60

EDN BEMQMB

Abstract: The publication is the text of a speech at the St. Petersburg Theological Academy at an online round table dedicated to the 140th anniversary of the birth of the largest Russian legal scholar, religious thinker, and herald of the future Russia, Ivan Aleksandrovich Ilyin (1883–1954). The legacy of I. A. Il'in is enormous – it numbers approximately 45–50 volumes of his collected works, 33 of which have already been published. In 2006, I. A. Ilyin's archive was returned from the archives of the scientific library of the Michigan State University (East Lansing, Michigan, USA) to Moscow State University, where it was already digitized and became available to researchers and readers. It is impossible to present all the richness of Il'in's legacy in a short article, so the author chose his most important and significant achievements in legal science and philosophy: research on the nature and essence of law; original, different from Western philosophy, doctrine of legal consciousness; teachings about international law, about war, about resistance to evil by force; moral and moral philosophy; pneumatology as a doctrine of the spirit and its manifestation. Excerpts from Il'in's extensive epistolary heritage are given – from the four-volume “Correspondence of I. A. Il'in and N. K. Medtner (1915–1951)”, which is being prepared for publication.

Keywords: I. A. Il'in, N. K. Medtner, law, legal consciousness, international law, methodological approach, state, state power, philosophy, meaning, morality, ethics, spiritual meaning of war, pneumatology, heartfelt contemplation.

About the author: **Yuriy Trofimovich Lisitsa**

Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor of the Department of Missiology at St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities, Leading Researcher at the Heritage Institute.

E-mail: jutlisica@yandex.ru

For citation: Lisitsa Yu. T. The Main and Important Results of Ivan Aleksandrovich Ilyin in the Science of Law and Philosophy. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 3 (18), pp. 60–73.

Иван Александрович Ильин¹ был и остается *необычным* ученым и философом для России; *удивительным* он является для остальных стран и народов; *особенным* он является или станет для каждого, кому посчастливилось или еще посчастливится познакомиться с его текстами, идеями, учениями, мыслями, раздумьями и упованиями о России, ибо после чтения Ильина жизнь человека кардинально меняется к лучшему, становится осмысленной и утешительной.

Имя Ивана Ильина появилось на слуху в России довольно поздно, как и его труды в виде копий книг, брошюр и статей, которые стали известны в нашем мо-

Иван Ильин, 1909 г.

сковском философском сообществе только в 1983 г., хотя и не на первых ролях по сравнению с работами других русских зарубежных философов и публицистов, чьими книгами зачитывались в то время любители и ценители русской философии. Распространяли и читали его книги в ксерокопиях; редкий человек имел у себя оригиналы книг Ильина... Тогда я не знал, что его работы, их хранение и распространение были запрещены в СССР (писатель Леонид Бородин пострадал, в частности, и за найденную у него дома ксерокопию «О сущности правосознания» И. А. Ильина, которую он еще даже не успел прочесть — читал ее уже в лагере, как ни странно, с разрешения тюремщиков). При этом Ильин был негласно запрещен

и на Западе: по «вражбим голосам» мы никогда не замечали упоминания его имени, хотя он был в западном мире известным всем антисоветчиком и антибольшевиком («Яд большевизма», «Кризис социализма», «Кризис безбожия» и другие его брошюры были переведены на многие европейские языки); но проходил он в западных списках как «демократомах», т. е. как борец с демократией.

Первые две его работы из двухтомника «Наши задачи» (яркая политическая философия!) появились в СССР в 1988 г. в только что открывшемся сборнике «Выбор», но уже в 1990 г. он был самым публикуемым автором в газетах и журналах нашей страны. Об этом свидетельствовала молодая аспирантка из Дании Ханна Овасен, которая приехала в Советский Союз специально для того, чтобы выяснить этот феномен. В беседе с ней во время часового интервью она поразила меня своими тремя опасениями по поводу Ильина. «Если русские прочтут Ильина, — сказала Ханна, — то Россия станет монархией; русские начнут „сопротивляться силою“ Западу [Как в воду глядела! — Ю. Л.] и учение Ильина о правосознании повредит западной демократии». Особенно странно было услышать это от девушки-«русалочки», приехавшей из монархической страны Дании, из Оденсе, где родился и писал Ганс Христиан Андерсен.

Ильин, в будущем ученый-правовед, обучался в Императорском Московском университете на юридическом факультете — как и его отец Александр Иванович, крестник императора Александра II, как и его братья Алексей, Александр и Игорь. И хотя университетское образование, будучи очень широким и фундаментальным, в частности на юридическом факультете готовило профессиональных юристов, адвокатов и судей, это было место, где серьезно и систематически изучалась философия, так что среди выпускников юридического факультета были выдающиеся философы — сам Ильин,

¹ Публикация представляет собой текст выступления в Санкт-Петербургской духовной академии на онлайн-круглом столе, посвященном юбилею И. А. Ильина. См.: Корольков А. А., Даренский В. Ю., Фатеев В. А., Шевченко М. М., Минаков А. Ю., Иванов И., свящ., Воронаев В. А., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б. Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 20–59.

Борис Чичерин, научный руководитель Ильина профессор Павел Иванович Новгородцев, создавший философскую школу на факультете, а также философ и будущий богослов Сергей Булгаков и одноклассники Ильина — крупные философы Николай Алексеев и Борис Вышеславцев.

Несмотря на то, что Ильин считал своей профессией философию («Никогда не жалел о своем философском пути со всеми его трудностями и соответствующими эпохе провалами»², — писал он своему больному другу Николаю Метнеру), его первой научной работой, опубликованной в престижнейшем журнале «Вопросы философии и психологии» в 1910 г., была статья «Понятия права и силы», которая имела большое научное значение, так что ее издали дополнительно отдельной брошюрой и она почти сразу была переведена на немецкий язык и издана в Германии, а ведь ее автору было всего 27 лет и он еще не был магистром.

Именно в этой работе Ильин ставит очень важную и сложную задачу юриспруденции, право-познания, правоведения, философии права, истории политических учений, а позже и своего учения о правосознании. Это — проблема соотношения *права и силы*, их сближение и разъединение, их природа и статус, их правда и кривда, что всегда волновало юристов, философов, политиков и даже простых людей. Не случайно всем известны ходячие, но неверные и вредные поговорки: «у кого сила, тот и прав», «победителей не судят», «король прав или неправ — всегда прав». Ильин считал: «Самые понятия права и силы принадлежат к числу самых трудных и сложных в истории научной мысли вообще. Сказать что-нибудь исчерпывающее об этих понятиях является до сих пор делом недостижимой трудности и *может* вообще *показаться*, что проблема их соотношения должна быть отнесена к числу так называемых „проклятых“ проблем»³.

Существует ли *конфликт* между правом и силой? Что ценнее — право или сила? Право ли есть *цель*, а сила — *средство*, или наоборот? Возможно ли вообще рассматривать право как силу? Сила является родовым понятием, а право — видовым? Может ли правовая норма получить значение силы и может ли правовое полномочие получить значение силы?

Ильин в последней, седьмой, главе своей статьи отвечает так: «Мы пришли к выводу, что обычный вопрос: „право — *есть* сила или не *есть* сила?“ должен быть для решения изменен в самой своей *постановке*. Нельзя сказать, „право *есть* сила“ или „право *не есть* сила“, т. к. оба ответа можно понять в смысле *реального* совпадения или несовпадения обоих моментов. Именно *методологический* подход к проблеме развертывает ее во всем ее значении и указывает путь к ее решению. А этот подход ставит вопрос уже иначе: „*Может ли право рассматриваться* как сила и *не может ли оно рассматриваться* как не допускающее сближения с силой?“ Ответить на вопрос, поставленный так, значит, по нашему убеждению, развернуть применительно к нему учение о методе в правоведении, мало того, значит коснуться в методологическом анализе *всех* областей *правоведения*, как такового, и попытаться вскрыть в них возможные и состоявшиеся сближения этих понятий с точки зрения их методологической допустимости и недопустимости»⁴.

Сердцевина проблемы состоит в том, что существуют *различные* методологические ряды, образно сказать, *места*, — хотя часто это не пространственная и даже не онтологическая *локация*, а порой и *безобразная* штука, — в которых сила *не «присутствует»*. Например, — в месте «обнаружения» такой важной вещи как «суверенитет». В самом деле, 6 августа 1990 г. глава Верховного Совета РСФСР Борис Ельцин, выступая в Казани, произнес известную фразу: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить». Позже он повторил ее в Уфе. Мы знаем, чем это закончилось. Понимал ли Ельцин? Скорее всего, не ведал, что говорил. И сейчас наши политики часто употребляют этот важный термин «суверенитет»: «государственный суверенитет»,

² Из письма И. А. Ильина к Н. К. и А. М. Метнерам в марте (б/д) 1950 г.

³ *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 8.

⁴ Там же. С. 43.

«политический суверенитет», «национальный суверенитет», «экономический суверенитет», «народный суверенитет», «культурный суверенитет», «информационный суверенитет» и т. д. Интересно, до конца ли они понимают смысл этого термина и правильно ли употребляют его? Но это, скорее всего, «магическое» употребление модных и ярких слов, значение и смысл которых не ясен, — просто модное «красное словцо». А проблема не простая, и в своей первой научной работе Ильин обратил на это внимание: «Конечно, власть может и не иметь правовой санкции, но именно постольку она не будет категорией правоуправления. Власть есть сила, санкционированная правом; это как бы объективировавшаяся и застывшая правовая сила *par excellence*. И вот именно это пограничное положение понятия власти делает его причастным двум различным методологическим рядам — юридическому и реальному. Поэтому с той точки зрения, которую мы пытаемся провести, понятие власти должно быть разложено на две составные части и каждая часть должна быть отнесена в соответствующий ряд: тогда юрист будет говорить о власти — в нормативном ряду как о *полномочии на властвование*, а с логической точки зрения — изучать это полномочие на властвование как суждение, и как понятие, выводимое из суждения или суждений; а психолог, социолог и политик будут понимать под властью *силу, санкционированную правовыми нормами*. Вот почему, напр., те определения *государства*, которые приписывают ему не полномочие на властвование, а *власть*, а также те определения понятия *суверенитета*, которые конструируют его как реальное свойство, или **как нечто делимое** (выделено мною. — Ю. Л.), или как известный вид *власти*, должны быть критически пересмотрены в методологическом отношении, ибо они вводят в ирреальный ряд реальную категорию силы»⁵.

В связи с этой работой Ильин выдвинул оригинальную точку зрения «методологического плюрализма» в изучении фундаментального понятия «права», раскладывая его на такие методологические ряды, которые включали категории «реальности», «ирреальности», «должестования», «воли», «интереса», «принуждения», «действования», «порядка», «свойства», «отношения», «власти», «возможности», «свободы», «связанности» и т. п.

Аналогичные ошибки людей в определении *государства* и *государственной власти* часто приводят к роковым последствиям. Ильин предупреждал об этом в своей работе «Общее учение о праве и государстве» (1915): «Тот, кто говорит о государстве, говорит о праве, ибо государство есть правовой союз; право есть как бы тот воздух, которым дышит государство. <...> *Государство есть союз людей, организованный на началах права, объединенный господством над единой территорией и подчинением единой власти*. <...> Не следует, однако, представлять себе государство как единство, состоящее где-то над множеством людей, *вне* этого множества; государство не возносится над своими членами в виде чего-то чужого и постороннего им. Тот, кто так представляет себе государство, смешивает **государственный союз с государственной властью** (выделено мною; курсив Ильина. — Ю. Л.), хотя, конечно, и государственную власть не следует представлять себе, как помещенную *вне* союза»⁶. Для *целостности* государства Ильин сознательно выводит за скобки из своего учения о праве и государстве такое знакомое ему и всем нам понятие как «гражданское общество», восходящее еще к Гегелю в его триаде «семья», «гражданское общество», «государство», — для того, чтобы избежать *ложного* противостояния в мнимом дуализме «государства» и «гражданского общества». И уж такие большевистские определения государства как «государство — это есть машина для поддержания господства одного класса над другим»⁷ были для Ильина *чужды и безграмотны*; таким же ему показался бы популярный сейчас политический термин «глубинное государство»; он ввел более точный термин — «мировая закулиса».

⁵ Там же. С. 40.

⁶ Там же. С. 115.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1970. Т. 39. С. 73.

Вторая важная проблема, на которую Ильин указал научному юридическому обществу еще в 1915 г. и развил ее в 1918–1919 гг. в своей книге «О сущности правосознания», — это «проблема международного права». «Особое положение, — писал он, — занимает наука *международного права*. Международное правоотношение возникает между *властвующими союзами* (государствами), и поэтому некоторые ученые относят и самое правоотношение, и норму, и науку — к области *публичного права*. Однако государства нередко выступают в международном правоотношении как *равные* стороны, связанные правом (нормами, установленными в договорах), но не уполномоченные к власти друг над другом; поэтому другие ученые предлагают отнести и самые правоотношения, и нормы, и науку к области *частного права*. Ввиду того, что международное право еще не окрепло и не сложилось окончательно, вопрос этот остается открытым»⁸.

Сейчас все мы переживаем эту проблему очень остро, если не сказать катастрофично. «Правила», которые нам навязывает «международный гегемон», непонятно кем написаны и предлагаются для других, но не для тех, кто их озвучил; «санкции», которые противостоят всем международным договоренностям (ВТО), вводятся во вред не только для «нелюбимых» государств, но вредят и самим «санкционерам» и нарушают мировую логистику, торговлю, доверие людей друг другу, ослабляют отношения многих стран со своими бывшими партнерами, соседями и контрагентами, что повлекло за собой и нарушение ранее считавшейся неприкосновенной частной собственности. Причину и проблему эту Ильин предвидел еще в 1918 г.: «Столкновение народов есть, на самом деле, не просто столкновение исключаящих друг друга корыстных посягательств, как думают нередко и „трезвые“ обыватели и „мудрые“ политики; это есть, по существу своему, столкновение *естественных прав*, требующих своего признания и нормативного регулирования. А так как *естественное право* остается всегда *правым притязанием духа на достойную жизнь*, то решение этого столкновения посредством силы есть явление духовно-противоестественное, ибо дух опирается не на „силу“ вещей или обстоятельств, или оружия, а на *свое достоинство и на правомерность своего притязания*. **И война служит для того, чтобы разуверить ослепленных до неистовства людей в возможности решить спор духовных притязаний посредством грубой силы** (выделено мною как тезис «духовного смысла войны». — Ю. Л.). Столкновение прав есть *спор о праве*, а спор о праве может быть разрешен только на путях правовой организации и должен быть разрешен на основе естественного права. Поэтому борьба за международное право должна вестись именно не оружием, а на путях международной организации; и духовное назначение войны именно в том, чтобы убедить людей в достоинстве и необходимости этого пути. Вот почему патриотизм, вскормленный духом и сроднившийся с нормальным правосознанием, не может видеть в войне верного способа бороться за право. Любить свою родину не значит считать ее единственным средоточием духа, ибо тот, кто утверждает это, — не знает, что есть дух, и не умеет любить и дух своего народа. Нет человека и нет народа, который был бы единственным средоточием духа, ибо дух живет во всех людях и во всех народах. Не видеть этого значит быть духовно-слепым, а потому быть лишенным и патриотизма и правосознания. Этот путь духовного ослепления есть поистине „вне-этический“ путь, чуждый настоящей любви к родине; ибо истинный патриотизм есть любовь не слепая, а зрячая, и парение ее не чуждо добру и справедливости, но само есть одно из высших нравственных достижений»⁹.

Здесь Ильин фактически определил «духовный смысл войны» и высказал предвидение о создании Лиги Наций, а позже ООН, которые действительно появились, но все-таки себя в целом не оправдали. Ильин прямо отрицал то, что сейчас называют «однополярным миром», — связал то, что мы сейчас называем «многополярным

⁸ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. С. 146.

⁹ Там же. С. 257–258.

Иван Ильин и Николай Метнер, 1913 г.

вых расчетов, установленной в результате Бреттон-Вудской конференции (1–22 июля 1944 г.), которая сменила финансовую систему, основанную на «золотом стандарте», и создала, как оказалось, агрессивное доминирование американского доллара в мире. Более того, ни одно государство не в состоянии сейчас даже артикулировать правильную идею международных отношений. Например, «государства должны вести себя не как индивиды, а как личности: уважая и признавая „инаковость“ другого государства». Западные правоведы на такую мою идею ответили мне так: «Мы не готовы к такому уровню государственных отношений, и мы еще не исчерпали до конца идею государства как индивида», заботящегося только о своих интересах и не учитывающего интересы других стран.

Заметим, что верная критика современного *неолиберализма* упирает именно на гипертрофию *индивидуализма*, опуская, а может быть, и теряя критику и духовную трактовку важнейшего понятия *свободы* (откуда и искаженно воспринятое либерализмом название). Потерять свободу из-за ее искажения современным либерализмом было бы большим несчастьем для человека. Весьма глубокие вещи о свободе высказаны Ильиным в его книге «Путь духовного обновления» с выразительным названием в немецком варианте «Die ewigen Grundlagen des Leben» («Вечные основы жизни»), в третьей главе «О свободе»¹⁰.

Третьим результатом и достижением Ильина можно назвать то, что он четко определил «предмет» философии и «метод» всякой науки, в частности, философии. И хотя эти идеи витали в воздухе в его время — философия извлеклась от господствующих тогда *эмпиризма* и *психологизма*, чему способствовала набирающая силу *феноменология* Эдмунда Гуссерля (Ильин стал настоящим и верным «гуссерлианцем» самого раннего периода немецкого философа). *Предмет* философии Ильин определил еще в 1912–1913 гг. в своих лекциях «Введение в Философию. Философия как духовное делание» (слово «Философия» — именно с прописной буквы). Таковым

миром», с естественным правом. Но проблема осталась не решенной. В столкновение пришли три пары равночестных установок и максимум современного мира: «нерушимость государственных границ» и «право наций на самоопределение»; «национальные интересы государства» и «национальные интересы других государств»; «национальная безопасность отдельного государства» и «угроза безопасности другого государства». Это столкновение усугубляется еще так называемым «неэквивалентным обменом», т.е. когда страны с различными уровнями *производительности труда* и наличием или отсутствием *высоких технологий* сталкиваются с неравными и часто несправедливыми обменов в торговле, к чему добавляется всемирная проблема функционирования денег, финансирования и расчетов в национальных валютах с оказавшейся *несправедливой* международной системой организации денежных отношений и торговли

¹⁰ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М., 1993. С. 88–109.

стал *смысл* — понятие и тогда, и до сих пор трудное и не проясненное даже в простейшей науке, такой как *математическая логика*, где все до предела упрощено, сведено к однозначности *значения* каждого *имени*. В ней это было ярко отражено и в так называемом треугольнике Готлоба Фреге: «имя *называет* значение и *выражает* смысл, а смысл *определяет* значение». И в этом самом простом случае науки-математики до конца остается неясным, что такое смысл. По Фреге: «Смысл имени можно приблизительно описать как то, что нужно усвоить, чтобы понять имя, или как то понятие о носителе=значении=денотате, которое несет в себе данное имя». У Ильина же для уяснения смысла — целая многостраничная теория. Есть образные определения смысла: «Можно для помощи себе условно допустить, что он формулирован в таком случае Божеской мыслью (пока не привыкнем к полной объективности смысла)»¹¹. Ильин готовил своих студентов постепенно к пониманию смысла: «Можно это соотношение эмпирического бытия и его смысла представить так *поэтически*: смысл скрыт в вещи, как бы свет, скрытый от глаз и томящийся, — чтобы его раскрыли и дали ему насыть в достойной его форме: научного понятия и суждения, научной истины. Смысл (опять метафора) всегда присутствует в вещи, как его лучшая возможность, как лучший способ жизни, как ее идеал или цель»¹². А вообще Ильин формулирует, рассматривает и анализирует девять категориальных специфичностей смысла, которые мы для простоты здесь опустим.

В наше время слово «смысл» настолько популярно и модно, что его произнесение является почти всегда неким магическим действием: «территория смыслов», «формула смысла», «создание смыслов» и т. д., и т. п. При этом есть полная уверенность в том, что никто даже не подозревает своего непонимания этого важного термина. Смысл не есть или не не есть, а обстоит. *Обстояние* — введенный Ильиным русский термин, который соответствует немецкому «*Sachverhalt*», что означает: обстоятельства дела, положение дел (вещей). «Смысл» как предмет философии позимствован Ильиным у Гуссерля из его феноменологической логики, где выделяются предметы (объекты), обстояния, ситуации, отношения, и все они — внебытийственные различаемые «атомы» логики.

Феноменологический метод для Ильина представляет собой следующее: «Силою воли — внимание и воображение освобождаются от всякого иного содержания и направляются на восприятие и переживание данного предмета. <...> философское исследование предмета через интенсивное и самоотверженное погружение души в его внутреннее переживание — есть *феноменологическое исследование* (сущность предмета познается по его явлению)»¹³.

Четвертый важный результат Ильина — в нравственной философии. По его учению: «Мораль не есть высшее: ни точка зрения ее не есть высшая, ни моральное состояние души не есть состояние верховной доброты. <...> Это не значит, однако, чтобы моральное учение представляло бы теоретизацию аберрировавшей воли подобно гедонизму, утилитаризму. Моральная воля есть воля, направленная на добро и переживающая его в отрыве от *хотения* и независимо от него — как *должное*. В этом одновременно и сила, и слабость морали. Но такое, следующее долгу, моральное поступание и делание, отнюдь не есть и не проистекает из истинно доброго, истинно нравственного состояния души. Моральная правота — есть моральная легальность; моральная воля — есть воля, отколовшаяся от хотения и повинующаяся долгу. Кому не доступно высшее, чем это, состояние, — а оно бывает недоступно всем нам во многих случаях жизни, — тот пусть будет, по крайней мере, морален, т.е. пусть он заставит свои инстинктивные хотения и влечения подчиниться воле и долгу. Моральность есть, во всяком случае, подчиненное состояние, низшая ступень добродетели. Мораль есть *преддверие*, *передняя* истинного нравственного свершения: моральность есть не более, как видимо-элегантная *ливрея* души; но наличность ее

¹¹ Ильин И. А. Собр. соч.: Философия как духовное делание. М., 2013. С. 134.

¹² Там же.

¹³ Там же. С. 161, 79.

не гарантирует нравственного качества души — ее высоты и чистоты. И всюду трудно найти людей, одетых в моральную ливрею и кичащихся ею: я не верю им — ибо в одежде этой нуждается не добродетель, а духовное лакейство»¹⁴.

Ильин указывает на некоторую противоречивость или неосуществимость моральной цели: «Моралист сам признает, что высшее предносящееся ему состояние неосуществимо. Мы должны сказать больше: высшее предносящееся ему состояние *не* есть уже моральное состояние. В лучшие минуты моралист сам говорит о *радостном исполнении долга*, но тут же оговаривается: в силу одного того мотива, что *он есть долг*. Мораль учит о добре, которое, если бы оно наступило, то оказалось бы чем-то совсем иным, неожиданным, уже не моральным. Мораль ставит перед человеком задачу, требует ее строжайшего выполнения и разъясняет ему, что это выполнение невозможно. Мораль отвлекает от содержания, уходит в чистую форму долга; воспрещает мотивирующую жизнь чувства; как будто практический поступок, если он действительно нравственен — не есть деяние, вытекающее из всей души, из ее целостной доброты»¹⁵.

«Долг» есть ключевое слово и краеугольный камень моральности: «Добрая воля целиком должна быть проникнута уважением к долгу; настолько, что это уважение должно сделаться у нее единственным двигающим мотивом. Моральна та воля, которая свободна от всех иных мотивов воли, кроме *уважения к долгу*, или чувства долга. Моральный закон должен исполняться единственно из уважения к нему: тогда и только тогда воля моральна. Любить ближнего, например, следует не потому, что так велел Бог или воспитатели; не потому, что нас влечет к этому сердце; не потому, что нам подсказывает это правильно понятый эгоизм; но потому, что это велит долг, а мы чтим долг выше всего. Мы еще не знаем *в чем* наш долг; но знаем, что этот долг есть *разумное определение*, которое наш разум устанавливает и формулирует сам. Мораль — автономна и самозаконна. Сущность ее в том, что воля определяется не чем иным, как только своим собственным законом и уважением к нему. Всякое иное определение воли будет гетерономным — будет ли определяющим фактором чувство, инстинкт, Бог, право или люди»¹⁶.

Ильин снимает это противоречие учением о нравственности: «В отличие от морали и в противовес ей мы пришли, таким образом, к признанию некоторого высшего состояния души и воли, направленной на добро. Это состояние характеризуется, прежде всего, тем, что в нем нет распада и расхождения между волею и хотением. В этом подходе добро переживается не как отвлеченное, противостоящее реальной жизни, долженствование; и не как цель одной лишь воли, но как фактическая цель *и* воли *и* хотения. Разумное воление и инстинктивное хотение сливаются здесь в одном и органическом душевном устремлении к добру. Инстинкт хочет того самого, что одобряет и признает воля и что исповедует разум. И притом потому это так, что *инстинкт в корне своем добр, а воля в самой сущности своей полна живого и страстного, чувствующего хотения*»¹⁷. «То, что воля признает как ценное, то хотение любит как свою цель; то, что воля полагает как свою высшую цель, в том хотение видит свою ближайшую и лучшую ценность. В этом состоянии душа действует и живет нравственно потому, что она переживает добро как самое лучшее; жить и действовать *так* насколько хорошо, неописуемо прекрасно, что *иначе я не волю, не хочу и не могу*»¹⁸.

Интересно отметить, что в сербско-хорватском языке глагол «волити» означает «любить».

Любовь — есть сущность добра; «Добро есть *одухотворенная* любовь; зло — это *противодуховная вражда*»¹⁹. Таковы определения Ильина в знаменитой и актуальной сейчас книге «О сопротивлении злу силою» (1925).

¹⁴ Там же. С. 392–393.

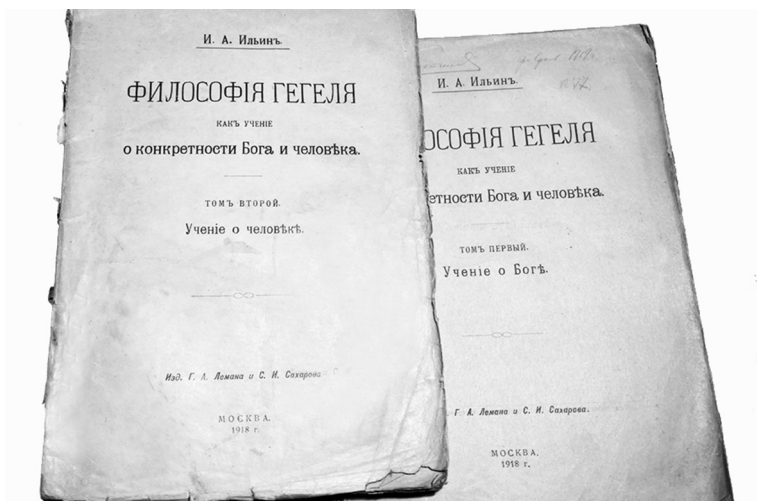
¹⁵ Там же. С. 394–395.

¹⁶ Там же. С. 396.

¹⁷ Там же. С. 397.

¹⁸ Там же. С. 399.

¹⁹ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М., 1995. С. 47.

Исследование И. А. Ильина
«Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918)

Пятый результат философии Ильина — решение нравственной проблемы «сопротивления злу силою». И хотя этот труд философа был направлен против тогдашнего зла *большевизма*, сейчас он может рассматриваться как разрешение современной проблемы — «экзистенциальной угрозы» России и русскому народу со стороны западного мира и его тоталитарной сатанинской либерально-демократической идеологии.

Ильин на первой странице ставит вопрос: «В страданиях мудреет человечество. Невидение ведет его к испытаниям и мукам; в мучениях душа очищается и прозревает; прозревшему взору дается источник мудрости — очевидность.

Но первое условие умудрения — это честность с самим собой и с предметом перед лицом Божиим.

Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, верующий в Бога, приемлющий Его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу мечом и силою?»²⁰

Т. к., по Ильину, «добро есть одухотворенная любовь, а зло — противодуховная вражда», то «добро есть любящая сила духа, а зло — слепая сила ненависти». Это означает и то, что добро не есть просто «любовь» или просто «духовная зримость», а зло не есть просто «вражда» или просто «духовная слепота», ибо *вражда ко злу не есть зло*²¹.

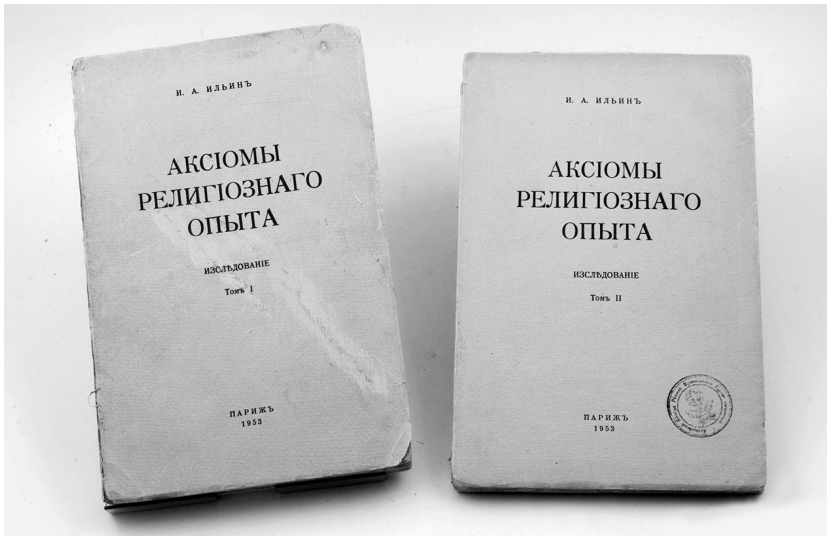
Ответ на поставленный вопрос у Ильина следующий: «Физическое пресечение и понуждение могут быть прямою религиозною и патриотическою обязанностью человека; и тогда он не вправе от них уклониться. Исполнение этой обязанности ведет его в качестве участника в великий исторический бой между слугами Божиими и силами ада; и в этом бою ему придется не только обнажить меч, но взять на себя бремя человеко-убийства»²².

При этом у Ильина есть важное замечание о «неправедности» этого действия: «Борьба со злом требует всегда *героизма*. Не только тогда, когда она ведется в форме внутренних усилий, воспитывающих человека и возвращающих его духовные крылья, но и тогда, когда она ведется в форме понуждающего и пресекающего меча. Героизм меча состоит не только в том, что его дело трудно, беспокойно, полно лишений, опасностей и страданий, но и в том, что меченосец нуждается в особых духовных усилиях

²⁰ Там же. С. 34.

²¹ Там же. С. 47.

²² Там же. С. 177.

«Аксиомы религиозного опыта» (1953)

для ограждения своего личного духовного Кремля: ибо его героизм есть *героизм сознательно и убежденно принятой несправедливости*. Мало того: человек, берущийся за меч в безысходной борьбе со злодеем, героичен потому, что он *подъекает этим бремя мира*. Поставленный перед основной трагической дилеммой, не оставляющей для него нравственного исхода, он *религиозно* приемлет эту безвыходность и, избирая наименее несправедливый и наиболее трудный путь меча, он принимает этот путь как *свою судьбу*²³.

Шестой результат Ильина — его фундаментальное исследование «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (т. 1: Учение о Боге; т. 2: Учение о человеке), за которое ему присудили в 1918 г. сразу две ученые степени: магистерскую и докторскую (государственных наук). При этом нужно отметить, что Ильин никогда не был «гегельянцем», — у него сознательно отсутствует так называемый «диалектический метод», пронизывающий всю философию Гегеля и так полюбившийся марксистам-ленинцам. Более того, Ильин если и упоминает диалектику, то чаще как «диалектическую путаницу софистов».

И, наконец, главный труд его жизни — пневматологическое систематическое исследование «Аксиомы религиозного опыта», который он писал 33 года и издал в конце своей жизни в 1953 г.

К выдающимся учениям Ильина можно без сомнения отнести: учение о правосознании — «О сущности правосознания» (1916–1919, 1956); эстетическое учение — «Основы искусства. О совершенном в искусстве» (1937) и «О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелев» (1938); учение о грядущей России — «Основы борьбы за национальную Россию» (1938), «Основной закон Российской империи. Проект» (1938), «Чтения о грядущей России» (1940–1941), «Наши задачи» (1948–1954); и много другого, — всего не перечить.

Особо стоят его даже не определения, а описания *духа* в человеке и того, что Ильин называл «сердечным созерцанием». «Дух» как философская категория наименее доступен человеку, в отличие, например, от категории «материя» или таких категорий, как «пространство», «время», «движение», и его определение ограничивается следующим: «чисто нематериальное», «невещественное начало». Но ведь и математические «числа», и платоновские «идеи», да и «пространство» и «время» также нематериальны, невещественны, но при этом отнюдь не являются *духовными*. Дух человеческий

²³ Там же. С. 207.

обнаруживается *только* субъективно и лично. Поэтому дать адекватное и объективное определение духу весьма непросто. Тварный человек привычен, скорее, к материальным сущностям, и ему ближе такие категории, как «энергия», «энергетизм» (мода конца XX в.), а в прошлом — «тонкие материи», «астральные тела». А «дух» так и остался вне его понимания. Только Христианство и Евангелие находят нужные слова, а пантеизм, индуизм, каббализм и прочие рафинированные языческие философии склонны к «материализации духа»: «энергия», «свет», «эфир» — все это для них «сгущение или уплотнение духа». Поэтому развернутое описание Ильиным «духа» в его *пневматологии* уникально: «Человек есть по существу своему живой, личный дух; и религиозность его есть состояние духовное. Дух есть самое главное в человеке. Каждый из нас должен найти и утвердить в себе свое „самое главное“ — и никто другой заменить его в этом нахождении и утверждении не может. Дух есть сила личного самоутверждения в человеке, — но не в смысле инстинкта и не в смысле рационалистического „осознания“ состояний своего тела и своей души, а в смысле верного восприятия своей личностной самосущности, в ее предстояния Богу и в ее достоинстве. Человек, не осознавший своего предстояния и своего достоинства, не нашел своего духа.

Ввиду этого можно было бы сказать, что дух есть живое чувство ответственности. Нашедший его в себе и утвердившийся в нем — ведет духовную жизнь.

Человек, испытывающий свое предстояние Богу, свое достоинство и свою ответственность, несет в себе живую волю к Совершенству. Поэтому дух можно было бы определить как волю к Совершенству — а также к совершенствованию — в самом себе, в своих деяниях и во внешнем мире.

Эта воля предполагает способность узнавать лучшее, отличать худшее и дурное, видеть Совершенное и принимать его. Поэтому дух есть дар очевидности.

Верное отношение к Совершенству есть отношение любви и служения. Поэтому дух можно было бы описать как способность к бескорыстной любви и к самоотверженному служению.

Все эти дары дают человеку способность верно управлять собой и верно строить свою жизнь. Поэтому дух есть сила личного самоуправления, и первым проявлением ее является духовный характер человека.

Вот почему правы те, которые связывают дух с идеей свободы. Дух есть дар свободы, данный человеку в зачатке от самой природы; в то же время он есть живая сила самоосвобождения и в заключительной стадии (вероятно — посмертной) — полнота личной свободы.

После всего этого будет понятно, если мы определим дух как потребность священного и как радость верного ранга; если мы опишем его как дар молитвы, как силу поющего сердца и как жилище совести; если мы обозначим его как месторождение художественного искусства; как источник правосознания, истинного патриотизма и национализма, как главную основу здоровой государственности и великой культуры...

В действительности дух есть — все это сразу»²⁴.

А «сердечное созерцание» — сугубо ильинский философский термин: «Самым драгоценным и могучим религиозным актом является *сердечное созерцание*.

Когда человеческая любовь прилепляется к объективно-значительному и священному жизненному содержанию, которым действительно стоит жить и за которое стоит бороться и умереть, то она оказывается *духовной любовью*. Она постепенно охватывает весь объем души и ее отдельных актов и все эти акты перерождаются и обновляются в своем строении и в своей силе. И вот, когда духовная любовь овладевает человеческим *воображением*, чтобы прожечь и очистить его, чтобы сообщить ему прочное укоренение и достойный предмет, тогда человек приобретает *дар сердечного созерцания*, — новый акт, дивный орган восприятия и опыта, подъемлющий и окрыляющий душу. <...>

²⁴ Ильин И. А. Собр. соч.: Аксиомы религиозного опыта. Т. 1. М., 2002. С. 34–35.

Раз выработанное и выношенное, сердечное созерцание открывает человеку доступ к религиозному опыту. Воспринять Бога, „принять“ Его, уверовать в Него и предаться Ему можно только силой цельного сердечного созерцания. Никакое рассуждение, никакое доказательство, никакое волевое решение подавить в себе все сомнения и заставить себя веровать — не могут заменить сердечного созерцания. Ибо вера дается через вчувствование в духовное Совершенство, — вчувствование, удостоверяющее даже вопреки всяким рассудочным „противо-доказательствам“ и вносящее в душу цельность, недоступную ни для какой волевой дисциплины»²⁵.

В заключение приведу еще одно наблюдение в связи с подготовкой к изданию переписки Ильина и Н. Метнера, показывающее переплетение исторических фактов и их художественного описания. Это историческая контрпараллель: среди множества романов (а их около 200), созданных французским писателем второй половины XVIII в. Никола Ретифом де ла Бретонем, самым известным стал его автобиографический роман «Месье Никола». «Это 16 томов сказок и выдумок о самом себе, которые содержат столько правды, что ее не может вместить в себе ни одно человеческой сердце»²⁶. А в «повести в письмах» Ильиных и Метнеров первой половины XX в. столько исторической правды и достоверности, особенно в деталях, символах и чудесных неожиданностях, что они кажутся сказками и придумками, если не осознавать с очевидностью, что в них присутствовал Сам Господь Бог, — и читатель не сможет этого не заметить.

И — еще две взятые из этой переписки и сейчас впервые публикуемые цитаты Ильина: первая относится еще к 1915 г., вторая — ко времени 20 лет спустя. Первая касается жалобы Метнера Ильину на нерадивость своих учеников и трудности работы с ними. «Метод есть, — отвечает Ильин, — или мертвая схема для размножения выдумок, или *духовный путь*. Может быть это самое большое, когда человек имеет *осознанный духовный путь*. И может быть это самое *обязывающее*. Для жизни Духа на земле нет важнее того, как чтобы от *одного* огня загорались *другие*, бесконечно многие. Это загорание осуществляется *или* через *творчество*, *или* через *преподавание*. И вот тут-то суть дела: преподавать стоит только тогда, если к Сократу пришел Платон. Тогда преподавание равно творчеству и становится *со-творчеством*. Во всех остальных случаях преподавание — компромисс. А это обязывает к жестокости и суровости в выборе учеников. Эта суровость — предметна и предметно обоснована, а потому ее нечего избегать и „жалеть“, в ущерб духу»²⁷.

А на жалобы Метнера своему другу о том, что ни русская эмиграция, ни мировая музыкальная общественность не замечают в достаточной мере его музыку, его борьбу за нее и его самого как исполнителя-пианиста, Ильин отвечает, скажем так, *визионерски* и *пророчески*: «Эмиграция книг не покупает. А трудных, философских книг не читает. Чуть потруднее — и в кусты. Рецензенты и музыкальные критики — сам знаешь, какие у нас... Потому каждый из нас, когда пишет нечто *не* беллетристическое, должен готовиться к *отсутствию отклика от современников*; должен апеллировать к духовной встрече потом; должен смотреть на свою книгу как на наследие или завещание. Что делать? Это тягостно, но это так. <...>

Поэтому, умоляю тебя, не огорчайся на отсутствие отклика, не принимай его к сердцу и не делай из него *никаких* выводов! Это *докладная записка Господу Богу*, а Он уже знает, когда и какого сочувствителя и ученика послать тебе»²⁸.

В наше сложное время не только в России, но и во всем мире, Ильина почему-то многие воспринимают *неоднозначно*, тратя на *пустую* дискуссию *драгоценное* время. Вместо этого каждый может найти для себя *трудную* по-настоящему *проблему*

²⁵ Там же. С. 109–110.

²⁶ Это слова крупного польского математика и глубокого исследователя и переводчика на польский язык работ Ретифа де ла Бретона Ричарда Энгельгинга, сказанные мне еще 1978 г. в Варшаве.

²⁷ Письмо И. А. Ильина Н. К. Метнеру от 4 сентября 1915 г.

²⁸ Письмо И. А. Ильина Н. К. Метнеру от 9 июля 1935 г.

или задачу — личную, профессиональную, государственную, познавательную, эстетическую, моральную, etc., и попробовать ее решить — для себя лично или для общества. Такие сложные вещи не решаются мгновенно. Но примеры решения многих философских, правовых, политических, эстетических (в частности, музыкальных — искусство русского композитора и пианиста Николая Карловича Метнера), нравственных и религиозных проблем в трудах Ивана Александровича Ильина дадут правильный и эффективный путь к их преодолению. И по его же мнению при *правильном решении* проблем и задач «начинают разрешаться другие вопросы, стоящие в связи с этим. От каждого „вопроса“ идут нити к другим. Вопросы *все* более или менее связаны друг с другом»²⁹. Это своего рода критерий истины по Ильину. Тогда мысли, метод и предметность Ильина станут для нас не только поистине интересной, серьезной и глубокой работой, но и *полезной* для каждого отдельного человека, для всех. Потому что *духовный рост* одного человека в этом мире непосредственно *увеличивает* духовный рост *всех*.

Источники и литература

1. Ильин И. А. Собр. соч.: Аксиомы религиозного опыта. Т. 1. М.: Русская книга, 2002. 606 с.
2. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. 400 с.
3. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. 621 с.
4. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1995. 605 с.
5. Ильин И. А. Собр. соч.: Философия как духовное делание. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. 715 с.
6. Корольков А. А., Даренский В. Ю., Фатеев В. А., Шевченко М. М., Минаков А. Ю., Иванов И., свящ., Воробаев В. А., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б. Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 20–59.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, М.: 1970. Т. 39. С. 73. 623 с.

²⁹ Ильин И. А. Собр. соч.: Философия как духовное делание. М., 2013. С. 68.